

Владислав ХОДАСЕВИЧ*

Язык Ленина (1924)

Оставляя в стороне оценку ленинской деятельности по существу, нельзя не признать, что человек этот обладал изрядным умом. Однако весьма значительный по объему, ум этот был не высок по качеству. Ленин останется в истории, как образец человека, сыгравшего огромную роль, не принеся оригинальной идеи. Его деятельность была попыткой осуществить на практике не им созданные теории. В лучшем случае, он популяризировал, даже видоизменял, даже корректировал, приспособлял к обстоятельствам, — но не изобретал. Это был практик, а не ученый, атаман, а не учитель. Отсюда его демагогизм, его политическая нечестность, неразборчивость в средствах, цинизм, — все качества, необходимые политическому дельцу, спекулянту, но невозможные для философа или социолога.

Едва ли не главное свойство ленинского ума — необычайная сила, с которой он умел все трехмерное сводить к двум измерениям. Попадая под этот паровой молот, любая идея расплющивалась, делалась плоской. Ленин был великий огрубитель и опошлитель. Вот почему, вечно орудуя с марксизмом, он добился-таки того, что даже марксизм нам кажется бесконечно более тонким, глубоким, аристократическим, нежели ленинизм. Мысль Ленина всегда сильна и всегда вульгарна.

Еще в ранней юности он уверовал в Маркса и всю жизнь, как верный мулла, долбил свой Коран. Как применитель и толкователь, он этот Коран опошлил и огрубил, но в основе его не усомнился. Сделавшись профессионалом революции, он с фанатическим аскетизмом отрекся от всего, что могло поколебать его веру.

В особенности он был невежествен в области искусства. Музыка, живопись, поэзия — все это было для него островом тех сирен, мимо которых Одиссей проплывал, залепив уши воском, чтобы не соблазниться. Ленин делал то же самое. Его суждения о музыке, приводимые в воспоминаниях Горького («Русский современник», № 1), — образец обывательщины. Литературу он знал в пределах гимназического курса, «жалел», что ему «нет времени» ею заняться, и... стыдно сказать, Пушкину откровенно предпочитал Демьяна Бедного. В Италии (опять-таки по воспоми-

---

* *Владислав Фелицианович Ходасевич* (1886–1939) — русский поэт, переводчик. Выступал также как критик, мемуарист и историк литературы, пушкинист.

нениям Горького) учился он ловить рыбу. Итальянского искусства он не заметил.

Ораторский и литературный стиль Ленина вполне, конечно, соответствовал основным свойствам его ума. Стремление к огрублению, презрение к эстетике (может быть, незнание о ней), полемическая хлесткость невысокой цены — вот главные черты ленинского стиля. За тонкостью или за красотой этот человек никогда не гнался. Слово было для него орудием грубой политической борьбы. Он этого, видимо, и не скрывал. К тому же его аудитория, то есть те, чьим мнением дорожил он, и те, на кого опирался, были достаточно грубы, и Ленин знал, что этих людей надо бить по головам, а риторическим изяществом их не проймешь. Поэтому, несомненно, покойник немало бы посмеялся, если бы узнал, что через несколько месяцев после его смерти найдутся люди, которым придет в голову благоговейно изучать «язык Ленина».

Однако они нашлись. Высылая писателей и ученых из России, Каменев сказал свою знаменитую фразу: «Упрямых вышлем, а прочих купим». Ныне из числа невысланных выступило шесть представителей «науки» — с благонамеренной целью открыть высокие достоинства ленинского стиля.

Шесть представителей так называемого «формального метода» (Шкловский, Эйхенбаум, Тынянов, Якубинский, Казанский и Томашевский) напечатали на сию тему ряд статей в литературно-чекистском журнале «Леф». Сто страниц убористой печати заняли они своими учеными изысканиями.

Всякому ясно, что в самом задании — серьезно говорить о стилистике Ленина — есть уже немалое раболепство. Кроме раболепства и «халтуры», ничем нельзя объяснить, что за изучение ленинского стиля взялись люди, еще недавно посвящавшие свой труд изучению неизмеримо более достойных предметов. Худо ли, хорошо ли, но Шкловский работал над Диккенсом, Стерном, Достоевским, Розановым; Эйхенбаум написал книги о Льве Толстом и Анне Ахматовой; Тынянов изучал Гейне, Тютчева; Томашевскому принадлежат недурные работы о Пушкине и о французских поэтах XVIII столетия... После всего этого приниматься за Ленина было им, конечно, смешно. И вот — на своих ста страницах они перемигиваются и перешучиваются потихоньку от своих заказчиков. Так портной, работавший на хороших господ, подсмеивается над нуворишем. Так мольеровские учителя смеялись над мещанином во дворянстве.

Статьи формалистов о Ленине писаны языком, в котором за филологической терминологией и сложностью фраз трудно добраться до смысла. Эти писания как будто специально рассчитаны на то,

чтобы рядовой коммунист в них «ногу сломал»: чтобы не стал он пробиваться сквозь дымовую завесу параграфов, терминов, алгебраических формул и прочего «научного багажа», — а не читая, удовлетворялся бы горделивым сознанием того, что сама «наука» лишний раз подтверждает величие «Ильича». Да и некогда коммунисту читать. Уж ежели напечатано в «Лефе» — значит клонится к прославлению. Значит — отсчитать червонцы, и дело с концом.

Формалисты суть исследователи литературных приемов. Они в этом знают толк и придумали неплохой прием для статей о Ленине. Они вовсе не лгут. Они говорят правду. Но все же их шарлатанство заключается в том, что они тратят множество времени и бумаги, чадят и авгурствуют, чтобы «научно» открыть вещи, ясные всякому с первого взгляда. Второй их прием — эвфемизм, то есть облечение этих горьких истин в форму, сладостную для наследников Ленина. То, что в просторечии звучало бы обидно, на языке науки вполне приемлемо и лояльно по отношению к советской власти.

Ленин груб, как в мысли, так и в ее выражении. Ленин ораторски примитивен. К этим основным выводам приходят авторы статей один за другим. Но — послушайте, как осторожно они выражаются. «Ленин — деканонизатор» (Шкловский). «Борьба с революционной фразой проходит через все статьи и речи Ленина» (Эйхенбаум). «Если поставить его стиль на фоне того пышного философского и публицистического стиля, который господствовал в русской интеллигенции начала XX века (Вл. Соловьев, Мережковский, Бердяев и др.), то разница станет особенно ясной» (Тынянов). «Недопустимые выражения... — один из резких стилевых признаков ленинской речи» (Тынянов). «Эмоционально высокий, напряженный строй речи дан... в комбинации с такими синтаксическими и лексическими явлениями, которые его объективно снижают» (Якубинский). Этот деликатный термин, «снижение», встречается едва ли не у всех авторов. Им очень удобно прикрываются понятия: огрубление и опошление. Статья Якубинского так и называется: «О снижении высокого стиля у Ленина».

Словарь Ленина был беден. Он оперировал небольшим числом слов, в большинстве случаев затасканных по марксистским брошюрам. Это обстоятельство осторожно вскрыто и названо «лексической скупостью».

Тот убогий запас литературных сведений, которым обладал Ленин, не укрылся от Казанского. Но вот как тонко об этом сказано: «Цитаты ценны тем, что выдают литературный фон речи и могут служить мерилем “литературности”. У Ленина они состоят преимущественно из пословиц и литературных выражений, вошедших в поговорку. Таковы чаще всего изречения евангельские,

крыловские, грибоедовские, вообще школьных классиков. Крайне редко стихотворения, цитаты. Никакой изысканности в выборе, никаких современных сколько-нибудь авторов. Это уже даже не цитата, а поговорка». (Заметим от себя, что именно поговорка является одним из основных элементов в речах Санчо Пансы: не слишком лестное соседство для великого человека.) На ту же, приблизительно, тему пишет Казанский и в другом месте, что Ленин «не щеголяет поэтической культурой и эрудицией».

Иногда авторы статей решаются высказаться более откровенно, но и в этих случаях прибегают к особому смягчающему приему; они говорят: «может показаться», «кажется», а затем высказывают наблюдение, весьма нелестное для Ленина. Так, Эйхенбаум замечает, что «может показаться, что у него (Ленина) нет никаких определенных стилевых тенденций»; «кажется, что к языку Ленин относится равнодушно». Но это опровергается, по мнению Эйхенбаума, тем, что Ленин «очень определенно реагирует на чужой стиль», т. е. видит в чужом глазу соломинку. Казанский пишет, что «речь Ленина кажется бесцветной и безразличной».

Можно было бы привести еще много цитат из этих работ, но не стоит утомлять читателя изворотами рабьего языка. Заметим одно: наука, даже если она придавлена и становится «наукой» в кавычках, — всегда автоматически стремится вскрыть истину. Но бывают «люди науки», которые в своем раболепстве идут на то, чтобы, с одной стороны, — на истину намекнуть, с другой, — ее спрятать. И еще: продажные перья в конце концов мало пользы приносят тем, кто их покупает.